

А.Б. Баллаев

Проблема «средних классов» в творчестве Маркса

В литературе, особенно учебной, до сих пор высказываются мнения о том, что К.Маркс признавал исключительно дуальную классовую структуру, не обращая внимания на разнообразную и важную во многих отношениях проблематику «средних классов»¹. На самом деле все не так просто. В некоторых контекстах данная проблематика выходит у Маркса на передний план, и оказывается, что сам подход классика и выводы, к которым он приходит, не лишены интереса и для нашего времени. Речь идет о полемике Маркса с А.Смитом, Д.Рикардо, Т.Мальтусом и другими теоретиками начала XIX в. по вопросам потребления, специфики наемного труда, возможностей экономического и социального прогресса. Видимо, привычки к дисциплинарному ограничению исследовательских «секторов обзора», а также известная недооценка полемики как жанра (сравнительно с позитивно-догматическими типами изложения) препятствовали более объективному отношению историков социальной науки к этому фрагменту марксовской теории. Кроме того, помехи создавались еще и из-за вычитанной из политологических работ Маркса и Энгельса идентификации «средних классов» с так называемой «мелкой буржуазией». Это, конечно, неверно, хотя «мелкая буржуазия» и составляет некую часть «средних классов» как во времена Маркса, так и теперь.

1. Полемика с Т.Мальтусом

Как известно, в работах «позднего» Мальтуса (20-е гг. XIX в.) предложена эвристически перспективная концепция потребления, позволившая Дж. М. Кейнсу в XX в. считать Мальтуса одним из своих предшественников². Мальтус не полагал, как Сей или Рикардо, что производство и потребление или, иначе говоря, предложение и спрос состоят в отношении некой предустановленной гармонии. Более того, отсутствие таковой для Мальтуса – важнейшая характеристика экономической сферы, ее «сущностная», базисная характеристика. По Мальтусу, предложение может и должно несколько превышать спрос, а потребление отставать от создаваемого в производстве, поскольку основные производящие классы – плохие потребители.

В производстве действуют рабочие и предприниматели. Спрос рабочих исходно весьма ограничен, поскольку, по Мальтусу, заработная плата входит в издержки производства, а прибыль реализуется в виде «надбавки» цены товара над всеми издержками. Маркс, не соглашаясь с мальтусовской концепцией «надбавки», согласен с ним в общей оценке спроса со стороны рабочих: «Спрос со стороны рабочих недостаточен, ибо прибыль как раз потому и существует, что спрос, который могут предъявить рабочие, меньше стоимости их продукта, и она, прибыль, тем больше, чем относительно меньше этот спрос»³. Эту мысль Маркс многократно повторяет, например, оценивая в общем смысле потребление рабочих: «Потребление рабочего равно в среднем лишь издержкам его производства, а не его продукту. Весь избыток рабочих, следовательно, производит для других, и таким образом вся эта часть его продукта оказывается производством для других»⁴. Ограниченность потребления рабочих представляет собой угрозу для сферы потребления в целом: оно «заранее подорвано, ибо наибольшая часть населения, рабочее население, может расширить свое потребление лишь в очень тесных границах»⁵. Чем и как эти границы определены, Маркс тоже указывает, но это выходит за рамки данной темы. Отметим только, что тезис «чем меньше издержки на рабочую силу, тем больше прибыль» подтверждаются любым падением предпринимательской прибыли, ибо экономия начинается с сокращения персонала, с экономии на заработной плате. Уменьшение расходов

на заработную плату означает и падение потребительского спроса в целом, хотя отдельные секторы производства могут быть этим процессом и не затронуты.

Спрос со стороны второго агента производства, предпринимателя, также ограничен. Его ограничителем служит необходимость развивать производство. Это выражается в необходимости накапливать, а не потреблять. «Сам капиталист, если он хочет накапливать, не должен... предъявлять спрос на свои продукты, поскольку они входят в доход, в тех размерах, в каких он их производит»⁶. Без всякой «протестантской этики» Маркс выводит «бережливость», тягу к накоплению, отсутствие ведущей роли в потреблении у «деятельного капиталиста» из самой сути данного типа экономической деятельности: «производство у нормального капиталиста», у «деятельного капиталиста», каким он должен быть, является *производством ради производства*⁷. Если же «деятельный капиталист» как социальный персонаж отходит от производства, предпочитает только пользоваться получаемой от своей собственности прибылью, т.е. потреблять, а не производить, то эта функция просто замещается другими (например, менеджерами). Конечно, в реальности между сен-симонистским «деятельным капиталистом» и валлерстайновским «капиталистом как рантье» нет никакой пропасти, но в экономическом смысле их различие принципиально. Маркс это неоднократно подчеркивает, например, упоминая итальянский метод бухгалтерского различения заработной платы и прибыли у одного и того же предпринимателя. Напомним, что вопрос о «спросе предпринимателя» был поднят Мальтусом; именно его точку зрения Маркс анализирует и критикует, хотя в главном между этими теоретиками расхождения нет. Вслед за Мальтусом и Маркс признает недостаточность спроса «агентов производства» для потребления всего ими же производимого.

По Мальтусу, вопрос решается посредством создания особого класса **непроизводительных потребителей**. Эти люди «...не только образуют огромный отводной канал для выбрасываемых на рынок продуктов, но и со своей стороны не выбрасывают на рынок никаких продуктов; так что... они не создают конкуренцию для капиталистов, а, наоборот, все они являются представителями только спроса без предложения и поэтому уравнивают перевес предложения над спросом, имеющий место на стороне

капиталистов»⁸. Что же это за публика, «непроизводительные потребители»? Меркантилисты считали просто, что средством увеличения богатства нации является внешняя торговля – бережливая и производящая товары нация должна их выгодно продавать расточительным, ценящим роскошь другим государствам. Но и у Мальтуса, и у Маркса, а впоследствии и у Кейнса речь идет о нужном типе потребителя в одной и той же стране. Маркс перечисляет приводимые Мальтусом примеры вполне в духе реалий того времени – это земельные собственники, которые присваивают себе, «под титулом ренты», изрядную часть стоимости годового продукта нации. Сюда же относятся нахлебники, оплачиваемые владельцами ренты, «...помогающие им проедать их богатство», прежде всего – домашние слуги. Но, продолжает излагать мысли Мальтуса Маркс, «этих получателей земельной ренты недостаточно для того, чтобы создать “достаточный спрос”». Необходимо прибегнуть к искусственным средствам. Эти последние заключаются в высоких *налогах*, в наличии большого количества обладателей государственных и церковных sineкур, в содержании больших армий, в выплате крупных пенсий, в десятинах в пользу попов, в значительном государственном долге и – время от времени – в дорогостоящих войнах. Таковы “целительные средства” по Мальтусу». Если отбросить социальный страт рантье, «элиминированный», по выражению Кейнса, в XX в., то «непроизводительные потребители» представлены у Мальтуса крупными собственниками и обслуживающим их персоналом, государственным аппаратом, в котором особо выделяется армия, церковь с ее аппаратом, привилегированными пенсионерами. Или, как грубо выражается Маркс, Мальтус старается доказать, «что откормленное духовенство и чиновничество необходимы для создания достаточного спроса на продаваемые капиталистами продукты»⁹. Если оставить в стороне мальтусовские «спецсредства» для обеспечения платежеспособного спроса (государственные долги и войны), то одним из важнейших способов обеспечения средствами «непроизводительных потребителей» являются налоги, отсасывающие прибыль у промышленных капиталистов, а затем государство распределяет ее по уровням своего аппарата и приближенных к государству структур. Далее, Маркс неоднократно добавляет в списки тех, кто отъемлет часть прибыли у промышленников, т.е. земельных собственников

и финансистов, считает земельную ренту и банковский процент средствами перераспределения прибыли. Так, конечно, возникает множество «непроизводительных потребителей». Второй важнейший путь для получения того же результата – использование фондов потребления самих «промышленных капиталистов» и «рабочего населения» – будет рассматриваться в следующем разделе.

В итоге заметим, что «непроизводительные потребители» Мальтуса, несмотря на всю его любовь к ленлордам, борьбу со смитовским культом бережливости и признанием необходимости роскоши все же принадлежат большей частью к «среднему классу». Мальтус предвидел и приветствовал рост этого класса, хотя и со своей специфической точки зрения. Маркс цитирует мальтусовскую мысль о том, что «все люди не могут принадлежать к средним классам», что и низшие, и высшие классы полезны, что их существование обеспечивает рвение, «... с каким каждый стремится улучшить свое положение, что составляет важнейшую причину общественного благополучия»¹⁰. Но главное, конечно, в том, что Мальтус обратил внимание на источник, «порождающую причину» образования средних классов в данном типе общества. Не трудовое рвение, не удача, не индивидуальные усилия и т.п., а простое перераспределение промышленной прибыли с целью создания достаточного платежеспособного спроса служит источником экономического существования «средних классов». В трактовке Маркса добавляется только мысль о прибавочной стоимости как сути промышленной прибыли и неоплаченном труде «рабочего населения», создателя «добавочного продукта».

В остальном же Маркс признает разумность объяснений Мальтуса, обобщая все это в концепте разрыва между производством и потреблением в капиталистической экономике.

По Марксу, общепризнанное в теории единство этих экономических процессов реализуется практически таким образом, что одна часть населения производит за другую, а вторая часть населения потребляет за первую. Единство же или равновесие между производством и потреблением восстанавливается методом кризисов, призванных как-то убрать преизбыток не находящих платежеспособного спроса товаров. Это общее положение в XX в. несколько иронически иллюстрирует наблюдение Кейнса, согласно коему длительность кризиса приблизительно соответ-

ствуует времени постепенного «рассасывания» товарных запасов на складах,¹¹ причем во времена «нового курса» в США на это потребовался не один год.

2. Производительный и непроизводительный труд

В наследии Маркса проблематика производительного и непроизводительного труда занимает заметное место и вне обращения к проблеме «средних классов». Но, как нам представляется, именно для концептуализации представлений о «средних классах», для получения ясного понятийного смысла именно это различие видов труда, введенное А.Смитом, было у Маркса основным.

А.Смит считал производительным труд, который приносит прибыль работодателю (предпринимателю, капиталисту). Соответственно, непроизводителен труд, который прибыль работодателя не увеличивает, а уменьшает. Таковым является труд, который предприниматель финансирует из своего личного дохода, т.е. той части своей общей прибыли, которая поступает в его пользование, используется для личного потребления. Труд же производительный финансируется из капитала, который направляется на обеспечение и развитие производства. И капитал, и доход – это одна и та же собственность предпринимателя, различие тут только в долях, которые собственник может потратить на развитие производства и на личное потребление. Отметим, что речь идет о самых общих характеристиках труда. Маркс неоднократно поясняет, что речь идет только об отличиях *формы*, и потому не суть важно, каково содержание труда, предметная ли это деятельность или нематериальная услуга и т.д. Это может быть и не материальное производство, вовсе не физический труд и т.д. Суть – в источнике оплаты. Маркс отмечает, что с изменением источника финансирования один и тот же вид труда может перейти из производительного в непроизводительный и наоборот. Так, например, по Марксу, оперная певица, работающая по найму на антрепренера, трудится производительно, ее труд приносит прибыль, ее пение – товар, который антрепренерставляет на рынок музыкальных услуг. И, добавим мы, та же певица работает непроизводительно, если ее в том же качестве нанимает богатый человек, который расплачивается с ней из своего личного

дохода и сам, не вынося ее певческих услуг на рынок, потребляет ее пение. Но, подчеркнем для точности, и у Смита, и у Маркса в качестве наиболее точной иллюстрации непроизводительного труда используется труд домашнего слуги. Этот вид труда подразумевает расходы на потребление, а отнюдь не получение предпринимательской прибыли. Как поясняет сам Маркс, это «расход на мое потребление: не прирост моих денег, а, наоборот, их убыль. Это – отнюдь не средство обогащения, как вообще ни одна затрата денег для моего *личного потребления* не является средством обогащения»¹².

У Смита, согласно подробному анализу Маркса, имеется и еще одно принципиальное объяснение различия между производительным и непроизводительным трудом – по вещественному составу, а не по форме. Производитель товаров-вещей занимается производительным трудом, производитель личных услуг – непроизводительным. «Первый вид труда представлен в какой-либо пригодной для продажи вещи; второй вид труда должен быть потреблен во время своего выполнения»¹³. Это определение Маркс считает более элементарным, дополнительным по отношению к первому, поэтому мы здесь о нем только упомянем для полноты картины.

Смит по различным причинам симпатизировал производительному труду и негативно относился к труду непроизводительному. Но главным было то, что производительный труд создает богатство: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого воздействия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй – непроизводительным. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыль его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости... Человек становится богатым, давая занятие большому числу мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит большое число домашних слуг»¹⁴. Из этих слов Смита вытекает, кроме всего прочего, и справедливость замечания Маркса, о том, что «производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда со стороны владельца денег, капиталиста, а не со стороны работника»¹⁵. Однако капиталист капиталисту рознь. Тут высказывается позиция «промышленного капиталиста», в отличие от «праздных

богачей». А.Смит оценивает негативно непроизводительный труд, причисляя к его представителям все слои общества, не занятые в непосредственном производстве. Король Англии попадает у него в один ряд с пауперами, заключенными, проститутками и клоунами – все они живут за счет дохода страны, они не создают товаров и не приносят прибыли. Маркс говорит о «массе так называемых “высших” работников, государственных чиновников, военных, виртуозов, врачей, попов, судей, адвокатов и т.д., труд которых отчасти не только не производителен, но по существу разрушителен и которые тем не менее умеют присваивать себе весьма крупную долю “материального” богатства либо продажей своих “нематериальных” товаров, либо насильственным навязыванием их»¹⁶.

Столь радикальные оценки Маркс объяснял историческим положением буржуазии, отсутствием у нее полной политической и даже экономической власти. Подход к проблеме непроизводительного труда у Маркса более дифференцирован. В многочисленных перечислениях «нахлебников и прихлебателей», потребителей дохода Маркс исходит из существования двух различных типов дохода, получаемых в материальном производстве – это доход предпринимателя и заработная плата. Причем заработная плата рабочего выполняет именно функции дохода, она идет полностью на личное потребление и не может стать средством для развития производства. Соответственно, Маркс относительно четко прописывает и различие типов непроизводительного труда, который связан с одним и другим из основных типов дохода. Тип труда, приближенный по смыслу к «домашнему слуге», понятен и очевиден. А как обстоит дело с аналогичным трудом в отношении «рабочего населения»?

Маркс не видит аналога «домашнего слуги» у рабочего: «Наибольшая часть общества – т.е. рабочий класс – принуждена, впрочем, сама для себя выполнять этот непроизводительный труд; но она может взяться за него лишь при условии, что она предварительно поработала “производительно”. Рабочий может варить себе мясо только в том случае, если он произвел заработную плату, которой можно заплатить за мясо; он в состоянии содержать в чистоте свою мебель и свое жилище, чистить свою обувь только при том условии, если он предварительно произвел стоимость мебели, квартирной платы, обуви. Таким образом, у самого этого класса производительных рабочих “непроизводительным трудом” оказал-

ся тот труд, который они выполняют для самих себя»¹⁷. Как видно, Маркс исключает возможность появления «непроизводительных работников», живущих на доход = заработную плату рабочих, поскольку последние вынуждены заниматься самообслуживанием. Сразу оговоримся, что в концепции Маркса не учитываются факторы гендерной эксплуатации на уровне семьи и домашнего хозяйства, что, согласно феминистским оценкам, указывает на историческую ограниченность данной концепции¹⁸. Но разве только трудом по обслуживанию прямых «витальных» потребностей является «непроизводительный труд» в смитовском смысле?

Маркс упоминает и другие товары, необходимые «производительным работникам», но проходящие под квалификацией услуг. «Покупка же таких услуг, которые выражаются в обучении рабочей силы, дают ей специальность или же только служат ее сохранению; следовательно, например, услуг школьного учителя, поскольку он “промышленно-необходим” или полезен, услуг врача, поскольку он поддерживает здоровье, т.е. сохраняет источник всех стоимостей – самую рабочую силу, – все это покупка таких услуг, которые дают взамен себя “пригодный для продажи товар и т.д.”, а именно самую рабочую силу, в издержки производства эти услуги входят»¹⁹. Маркс считает, что услуги врача можно отнести в графу издержек по ремонту рабочей силы. Вообще же Маркс замечает, что согласно смитовскому делению всякий труд, который «непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самую рабочую силу»,²⁰ следовало бы признать производительным, чего сам Смит не сделал из идеологических соображений. Маркс старается вывести рабочее население и его доход в виде заработной платы из-под подозрения в том, что на этот доход содержится и какая-то часть работников «непроизводительного труда». То, что отрицаемое фактически имеет место в реальной жизни, Маркс знает и учитывает, но считает мизерным в сравнении с непроизводительными затратами «праздных богачей» и просто состоятельных людей, оплачивающих услуги работников «непроизводительного труда»: «То, что рабочему приходится из этой заработной платы выплачивать государству и церкви, составляет вычет за навязанные ему услуги; то, что он затрачивает на воспитание, совершенно ничтожно; в тех случаях, когда он делает эти затраты, они производительны, так как воспитание воспроиз-

водит рабочую силу; то, что он расходует на услуги врачей, адвокатов, попов, – это его беда; остаются еще кое-какие другие виды непроизводительного труда или услуг, на которые расходуются заработная плата рабочего, но их очень мало, в особенности потому, что работы, связанные с потреблением (приготовление пищи, содержание в чистоте жилища, в большинстве случаев даже всякого рода ремонт) рабочий выполняет сам»²¹.

А все-таки, как обстоит дело с той частью людей, которые заняты «непроизводительным трудом», но оплачиваются не из кармана рабочего с его тощей зарплатой, а из более туго набитых кошельков или с банковских счетов «праздного богатства»? Здесь тоже все не так просто: «домашние слуги» А.Смита – это лишь удачная иллюстрация, сам же персонаж более типичен для предшествующих эпох. И слуга, и хозяин живут на один и тот же доход. На доход нации содержится государственный аппарат, армия, пенитенциарная система совокупно с тюремщиками и заключенными, церковь. Но и это только часть. «Разве в любой момент, наряду с пшеницей, мясом и т.д., нет на рынке также проституток, адвокатов, проповедей, концертов, театров, солдат, политических деятелей и т.д.? Эта братия получает хлеб и другие средства существования или увеселения не даром. За это она отдает или навязывает свои услуги»²². В этом перечислении к людям, чья деятельность финансируется из дохода нации, т.е. из государственного бюджета, (т.е. из перераспределенной прибыли промышленников) добавлены некоторые работники шоу-бизнеса и люди «свободных профессий». Отметим, что в другой связи Маркс выводит необходимость существования некоторых видов непроизводительного труда из «недостатков социальной структуры», из «наличия социальных зол»²³. В целом Маркс отличает непроизводительный труд как необходимый компонент потребления, входящий в «издержки потребления» собственников, от «навязанных услуг», причем вместе с таковыми услугами отчего-то чаще упоминаются юристы, в особенности адвокаты.

От работников непроизводительного труда Маркс отличает социальные группы, которые стоят вне этого смитовского деления, – это крестьяне и ремесленники. Они, по Марксу, представляют собой нечто особенное, поскольку соединяют в одном лице и работника, и хозяина, иначе говоря, их производство «не подчинено капиталистическому способу производства»²⁴. Благодаря тому,

что работник «является собственником средств производства, ему достается собственный прибавочный труд, и в этом смысле он относится как свой собственный капиталист к самому себе как к наемному рабочему»²⁵. Эту социальную группу, а также им подобные варианты в сфере литературы, искусства, живописи – всего того, что может быть названо «нематериальным производством», Маркс специально не рассматривает, хотя уже намечает динамику постепенного подчинения этих областей трудовой деятельности общим стандартам наемного труда и капитала (например, в замечании о «фабриках для обучения»)²⁶. Вообще же то, как Маркс понимает экономическую специфику таких социальных групп, как крестьяне и ремесленники, нужно рассматривать специально и подробно, поскольку вокруг этого накопилось достаточно «критического мусора».

Путь от крестьян и ремесленников к «средним классам» не слишком прям, зато в целом «непроизводительные работники» обычно Марксом упоминаются, когда речь идет о росте богатства общества и, соответственно, об увеличении «средних классов». Например, рассуждает Маркс, рост дохода «не ведет, однако, к тому, чтобы на заработную плату расходовалась соответственно увеличившаяся часть совокупного продукта. Те классы и подклассы, которые не живут непосредственно своим трудом, возрастают в численности и живут лучше, чем прежде, и точно также увеличивается число непроизводительных работников»²⁷. «Непроизводительных работников» Маркс не забывает укорить в том, что за свои «нематериальные» услуги они отхватывают себе «весьма крупную долю «материального богатства»»²⁸. С прогрессом производства, с ростом богатства общества слияние «непроизводительных работников» со «средними классами» становится все более тесным и очевидным, поскольку растет и потребность в «отводном канале» для обеспечения платежеспособного спроса. Маркс формулирует это совершенно недвусмысленно, например, когда поправляет Рикардо: «Что он забывает отметить, так это – постоянное увеличение средних классов, стоящих посередине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой – средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увели-

чивает социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч»²⁹. Получается, что Маркс согласен и с Мальтусом, и с Рикардо, и с множеством либеральных теоретиков XIX–XX вв., связывавших рост численности «средних классов» с экономическим ростом, ростом производительности труда и последующим «возрастанием социальной стабильности». Правда, в отличие от них, Маркса все это нисколько не радует. Социальная стабильность общественного устройства, против которого Маркс лично всю жизнь боролся, вряд ли представлялась ему желательным результатом экономического прогресса. Маркс критически относится к той реальности, которую сам признает, – это в принципе и есть его теоретическая позиция в работах цикла «Капитала».

К тому же у Маркса есть всему этому альтернатива, о которой он высказывается очень определенно: «Предположим, что производительность труда повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $2/3$ населения, то теперь участвует лишь $1/3$. Прежде $2/3$ населения доставляли жизненные средства для $3/3$ населения, теперь – $1/3$ – для $3/3$. Прежде “чистый доход” (в отличие от дохода работника) составлял $1/3$; теперь – $2/3$. Теперь нация – если отвлечься от классовой противоположности – должна была бы употреблять на непосредственное производство $1/3$ своего времени вместо прежних $2/3$. При равномерном распределении все имели бы больше времени – $2/3$ – для непроизводительного труда и досуга. Но при капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым... Теперь $2/3$ населения состоит частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проесть доход или – если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках – навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т.п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут в общем стоять на более высокой ступени образования и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т.д.»³⁰.

Этот прогноз, сделанный Марксом в столь давние времена, представляется весьма важным. Всем и так ясно, что с ростом общественного богатства какая-то, весьма дозированная часть должна попасть и к низшим в социальной иерархии. Что касается производительных работников, то «властвующим собственником» сложно с ними делиться, поскольку это увеличивает издержки производства и уменьшает прибыль. Рост образования, увеличение свободного времени, улучшение «ремонта рабочей силы» (здравоохранение) и т.д. – все это весьма нежелательные расходы, от которых предприниматели освобождаются различными способами, в том числе и делегируя свои полномочия государствам. Корпорации ограничиваются уплатой налогов, а недовольство системами образования и здравоохранения фокусируется на государстве, у которого на эти вещи, по определению, всегда не хватает ресурсов. К тому же «бегство от налогов» в экзотические страны без социального законодательства стало общепризнанной эффективной практикой, ограничивающей претензии «производительных работников» в регионах центра мировой экономики. Так что рост «среднего класса» в пределах материального производства не может стать отводным каналом для нужного роста потребления, для обеспечения достаточного платежеспособного спроса.

Однако Маркс и не указывает на рост потребления для производительных работников, его мысль – об увеличении числа работников непроизводительного труда как следствии роста производительности труда. Именно они вместе с «владельцами прибыли и ренты», по Марксу, будут делить фундаментально выросший доход общества. Опять же при верном историческом диагнозе Маркс совершенно в диккенсовском духе представляет себе этих самых непроизводительных работников будущего. Какие там «содержанки» и «кучера»? А вот как быть с топ-моделями-миллионершами, кинозвездами и звездами шоу-бизнеса, всей сферой профессионального спорта? Да что там, кто теперь узнает в целых областях мирового разделения труда скромного «домашнего слугу» Адама Смита? Гигантский пирог всемирного дохода (не путать с капиталом!) делится с огромной иерархией непроизводительных работников, превращая большую их часть в натуральные «средние классы», повышая искомую стабильность системы.

3. Исторические подтверждения и исправления

Никак невозможно, чтобы за время, прошедшее с тех пор, когда Маркс размышлял о причинах, порождающих «средние классы», его теория полностью сохранила свою адекватность изменившейся реальности. В политической экономии нашего времени (если таковая еще имеется) основополагающие категориальные различия А.Смита: доход и капитал, труд производительный и непроизводительный – скорее всего, потеряли свою значимость. Сохраняется некое уважение к трезвости Дж.М.Кейнса с его пониманием значения платежеспособного спроса и необходимости держать в определенных пределах «страсть к накоплению», но десятилетия господства монетаризма во многом это уважение подорвали. Следовательно, суровый реализм Мальтуса, который Маркс считал цинизмом, доказывавшего, что без класса «непроизводительных потребителей» производство не может нормально развиваться, тоже отдает наивностью времен первой промышленной революции. Маркс, полагавший эти различия: доход и капитал, виды труда – важными, фундаментальными основаниями экономической теории, в этом отношении тоже пострадал.

Однако мы знаем, что отношение современной культуры к своему прошлому слишком уж заражено, я бы сказал, комплексом «мухи-однодневки». Люди науки, как и люди прочих областей «духовного производства», часто относятся к предшественникам как к конкурентам или соперникам. Хоронят здесь с большим удовольствием, чем воскрешают. К социальной теории это относится чуть ли не более, чем к другим. Поэтому и Маркс постоянно попадает в забытые покойники, но с ним везет меньше, чем с другими. Отчего-то время от времени приходится объявлять очередной «ренессанс» этого мыслителя. Между тем в его концепциях, в частности и в теории «средних классов», кое-что действительно отмерло, просто отпало, отработало свой ресурс. Что же это?

Радикально изменилась феноменологическая картина «средних классов». Как-то ушел в прошлое особый социальный слой рантье, социологи стали делить «средние классы» на «новые» и «старые», причем и старых, пожалуй, во времена Маркса еще почти не наблюдалось (кроме разве что мелких торговцев). Что ка-

сается новых, то эти детища компьютерной эпохи и вовсе были немыслимы до второй половины XX в. С ростом материального богатства общества появились целые «вторичные»-«третичные» сферы приложения человеческого труда, частично или полностью связанные с потреблением, – туризм, спорт, киноиндустрия, гигантское развитие пережили за это время образование и здравоохранение, наука, сфера обслуживания и т.д. Расходы государств на свои классические нужды (армия, флот, пенитенциарная система, чиновничество) также подпрыгнули до небес. В некоторых странах большая часть дохода нации уходит в эту сферу. Да и в материальном производстве возникли области, в которых историческая новизна производимого продукта позволяет корпорациям за счет высоких прибылей выплачивать части своих сотрудников невообразимые ранее заработные платы, делать их акционерами, оплачивать медицинское обслуживание и обеспечивать значительные пенсии. Корпорации делятся доходом с сотрудниками. Ясно, что в последнем случае речь идет о производительном труде, по Смиту, но сочетание в заработной плате работника компонента «платы за пользование рабочей силой» с некими бонусами из дохода корпорации для особо нужных людей – это явление достаточно новое и существенное для объяснения специфики современных «средних классов». Это, конечно, резко контрастирует с положением неквалифицированных работников или трудящихся в «третьем мире», но само по себе важно для рассмотрения нашей темы.

Все эти сферы деятельности еще можно рассматривать с позиций А.Смита, хотя производительный и непроизводительный труд в них представлены в самых разных сочетаниях, микстах и сращениях. Для нас существенно, что многие из них непосредственно относятся к непроизводственной сфере и так или иначе связаны с использованием дохода общества (а не капитала!). Соответственно, в них наличествует, возможно, подавляющая доля тех, кого социологи могут назвать «средним классом», пользуясь описательными характеристиками Макса Вебера и его последователей.

Итак, изменилась феноменология. Что же осталось? Видимо, указанная Марксом социальная специфика *Mittelklassen* не могла сделаться другой, поскольку историческая форма общества осталась той же самой. То обстоятельство, что Маркс по времени находился ближе к *началу существования* этой формы (хотя ему самому

так не казалось), позволяло ему более легко усмотреть ее отличительные характеристики. Дело касается не только общей трактовки капитализма, но и более частных, но выразительных спецификаций. Например, истолкование наемного труда как «жертвы» объединяет всех экономистов классического периода, даже Т. Мальтус выражал желание, чтобы в будущем такой труд сократился сколь возможно, из гуманных побуждений. Марксу и его современникам сложно было представить, что далекий от восьмичасового ограничения рабочего дня труд прядильщика, ткача или строителя может быть «жизненным призванием» для нормального человека. Да и никто этого от них не ждал. Вся экономическая публицистика, да и реальная практика управления производством за столетия наполнена соображениями о том, как бы заставить ленивцев-пролетариев добросовестно работать и не воровать. Наши нынешние управленцы думают о том же и так же. И понятно, почему. Примеров тому, что со снятием экономического принуждения к труду люди, скорее всего, просто перестанут работать вовсе, уже достаточно. Принудительный же труд трудно изобразить реализацией экзистенциальных желаний работника.

Правда, ныне же во множестве появляются доказательства того, что характер наемного труда столь изменился, столь приблизился к характеру «хобби», любимого занятия, что говорить об эксплуатации уже не следует (хотя о труде вовсе без оплаты подобным идеологам пока говорить в голову не приходит). Сидение за компьютером, составление программ, разработка новой техники и просто научная работа, и т.д. – уже массовые виды трудовой занятости, и их приравнивают к творческому труду, который сам себе награда. Видимо, не совсем еще так, поскольку и тут требуется капитал, нужно, как и во времена Маркса, вкладывать деньги в оборудование, оплачивать работников, беспокоиться о платежеспособном спросе, страшиться кризисов и т.д. Или, точнее, как бы ни менялось содержание труда, *по форме налицо тот же производительный труд, та же система наемного труда и капитала.*

Как и встарь, система требует поляризации «недопотребления» и «перепотребления» (по Мальтусу), и с ростом производительности труда «излишки» товарной массы заставляют систему порождать «потребителя как такового». Рост дохода, перехлестывающего через возможность превращения в капитал или потребления

«верхами» социума, заставляет беспокоиться о платежеспособном спросе: откуда ему взяться? Потребляя опасные «излишки», «средние классы» выполняют свою основную функцию – ответственно за платежеспособный спрос. Конечно, справиться с этой задачей, несмотря на страховку со стороны «социального государства», им трудно, ведь экономический рост весьма сложно контролировать, управлять им, подгонять или сдерживать. Напомним многократно повторяемую Марксом мысль о том, что при данном типе общества между производством и потреблением не может быть гармонии. Несомненно, что государственное перераспределение общественных доходов может быть совершенно непродуктивным: научные эксперименты с идиотическими целями, но очень дорогие; содержание армий и совершенствование вооружений, дело тоже недешевое. Вспоминается комический опыт нейтральной северной страны, в которой военные отчего-то регулярно перед принятием очередного бюджета ловили в заливе близ своей столицы советские подводные лодки. Возможны и периоды так называемого «перепроизводства» (недостаток платежеспособного спроса), когда экономика страдает и прибыль в целом уменьшается. «Перепроизводство проистекает как раз из того, что масса населения никогда не имеет возможности потреблять больше среднего количества необходимых жизненных средств и, следовательно, ее потребление не возрастает соответственно увеличению производительности труда»³¹. Тогда «средние классы» получают свою дозу негатива в виде отстранения от кормушки, кто-то может и сильно пострадать (как исчезла социальная группа или, как выражается Маркс, «подкласс» рантье). Когда же вновь потребуются усиленный спрос, «средние классы» реанимируются, и все переходит на следующий этап.

Кроме того, владельцы глобальной собственности вкупе – промышленный капитал, финансовые «властители мира» и прочие – не страдают излишней щедростью. Вопли о «дороговизне» сопровождали жизнь «социального государства» с момента его зарождения: экономия на многострадальных образовании и здравоохранении украшает, видимо, бюджеты всех членов ООН. Особенно впечатляют идеологические утверждения о том, что весьма относительный достаток жителей Европы и США, достигнутый в славное послевоенное тридцатилетие, породил «общество потребления» и поколения потребительствующих «middle classes». На самом деле,

конечно, людей убеждали, что их потребности должны ограничиваться предлагаемым им довольно жалким уровнем потребления, к тому же еще и долженствующим быть стимулом к трудовой повинности, ведь «средние классы» никак от нее не освобождены. Возможно, пожалуй, что живущему в джунглях аборигену потребление «среднего европейца» покажется сказочно избыточным, но в реальности оно убого, ограничено некоторыми «надбавками» над материальным жизненным уровнем, фиксированным в лассалевском образе «железной заработной платы». К тому потребление точно соответствует необходимости сбыта господствующих на монополизированных рынках типов товаров и т.д.

4. Заключительные замечания

В итоге получается, что у Маркса имеется собственное видение экономической специфики «средних классов» и некое предвидение их развития. Далекое от революционистских ожиданий, это понимание наполнено суровым социальным критицизмом. Реализм теоретический сопровождается у Маркса резко негативными оценками наличного бытия «средних классов» и ожидающего их будущего. Именно критической направленностью тексты Маркса отличны от современных ему и последующих, вплоть до наших дней, сочинений о «средних классах» как о гарантах стабильности и создателях либерального «гражданского общества», притом что фиксация реального положения дел в этой области у всех очень близка, почти идентична. Схожи и прогнозы Маркса, Рикардо и Мальтуса относительно роста средних классов по мере роста производительности труда.

Только то, что печалит Маркса, радует «апологетов капитализма» начиная с Т.Мальтуса. Но, мне кажется, здесь не следовало бы ни слишком ликовать, ни чересчур печалиться. *Система медленно, но меняется.* Вместе с ее трансформациями перемены заметны и в «средних классах». Их немало, но хотелось остановиться на одной, всем очень заметной. Произошли изменения в структуре «средних классов», не слишком тесно связанные с прогрессом промышленности, но в тоже время из результатов этого развития в XX в. вытекающие. Призыв Маркса к тому, чтобы считать «производствен-

ными затратами» затраты на медицинское обслуживание и образование рабочих, был услышан и воплощен в жизнь с различной степенью полноты. А именно, в практике многих государств вошло всеобщее среднее образование и медицинская помощь населению, государство взяло на себя эти функции. Государство тянет неприличный для себя воз социальных гарантий не без скрипа и попыток от них освободиться. Конечно, налоги платят все, и своя доля в расходах здесь есть и у низших социальных слоев; о качестве выполнения социальных функций государством тоже можно говорить, чаще всего люди им недовольны, но для нас важно другое.

Маркс оказался прав, утверждая, что доход (заработная плата) рабочего населения недостаточна для того, чтобы оплачивать услуги непроизводительных работников. В какой-то мере это преодолевается, совокупный доход (часть его) рабочего населения при посредстве государственной распределительной политики, с привлечением средств от налогообложения «имущих» входит в систему оплаты услуг «непроизводительных работников». А это означает, что вместе с традиционным и бесконечно прожорливым аппаратом государства, вместе с офицерами, полицейскими, чиновниками, политическими деятелями и т.д., средства бюджета получает огромная армия врачей, учителей, преподавателей высших учебных заведений и т.д. Формально приравненные к «прихлебателям и нахлебникам», эти люди представляют собой новый «подкласс» или особый вид «среднего класса», во многих смыслах отличный от исторически типичных чиновничества или офицерства.

Иерархия работников «непроизводительного труда» достаточно четкая: верхние ее слои непосредственно сливаются с «экономической властью» общества, а низшие слои опущены в отношении оплаты почти на уровень неквалифицированного труда в материальном производстве. Но эти же люди, «бюджетники» всех социальных государств, согласно веберовским критериям, полностью или частично входят в «средний класс», это не люмпены, не маргиналы, не рабочие на конвейере и т.д. Что же делает их людьми «нижнего среднего класса», только ли маленькая зарплата? Видимо, таковыми они становятся по вине тех, кому оказывают медицинские и образовательные услуги. Социальная поляризация в том и состоит, чтобы уровень развития «рабочего населения» соответствовал этой их основной функции (иначе работник, как заметил

еще Сисмонди, становится непригоден к труду). Равным образом «непроизводительный труд», оказывающий услуги рабочему населению за государственный счет, и должен быть «пролетаризированным», экономически сцементированным с социальным уровнем своей клиентуры. Доход производительного работника задает масштаб той части материального богатства общества, которая доступна «полупролетариям от среднего класса», обучающим и лечащим пролетариев полных.

Напомним, что говорил Маркс о последствиях роста производительности труда. Увеличение количества плохо оплачиваемых «непроизводительных работников» – одно из таких следствий. Конечно, художники, артисты, ученые, врачи и преподаватели, о которых мы уже говорили, согласно учебникам по социологии, профессионально относятся к средним классам. Их же коллеги, несколько более удачливые, трудятся в сфере обслуживания «имущих» и уже социально приближены к «высшему среднему классу». Отчего бы не верить, что дело в личном успехе, личных качествах, карьерной удаче и т.п.? Люди и верят. Но на самом деле речь идет о простом различии между огромным доходом предпринимателя или финансиста, которым они частично делятся с всякого рода «обслужкой», и зарплатой «рабочего населения», преобразившейся с подачи государства в тощее бюджетное финансирование, медицинские страховки или пособия по безработице и пенсии. Замороженные рекламной пропагандой и идеологической дрессурой, бедные «середняки» в большинстве своем, видимо, привержены стандартно-либеральным ценностям, и это вполне понятно. Однако и давление на правительства с целью улучшения достигнутых результатов деятельности «социального государства» имеется, отказываться от полученного «средние классы» не собираются. И, как нам представляется, новые армии «непроизводительных работников» имеют большие шансы, чтобы улучшить и развить «социальное государство», явно делающее еще первые шаги на трудном и тяжелом пути истории. А нам достаточно представить, какими могли бы быть следующие продвижения «социального государства», чтобы понять, насколько оправдана тотальная война, объявленная ему мировой «экономической властью», и в какой степени эта война является превентивной, предвосхищающей возможный ход событий, чтобы, как любит выражаться И.Валлерстайн, «изме-

нить все, чтобы оставить все как было». Ибо, если у системы еще есть «шанс жизнеспособности», то новые шажки и шаги в росте производительности труда непременно потребуют усиленной подкормки «непроизводительных потребителей», олицетворяющих категорию платежеспособного спроса, а гарантий безопасности для системы продолжение этого процесса отнюдь не дает.

Примечания

- 1 См.: Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 68–72; Гидденс Э. Социология, М., 1999. С. 200–201.
- 2 Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 332–334.
- 3 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 396–397.
- 4 Там же. С. 276.
- 5 Там же. С. 548.
- 6 Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 120–121.
- 7 Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 276.
- 8 Там же. Т. 26. Ч. 3. С. 46.
- 9 Там же. С. 53.
- 10 Там же. С. 58.
- 11 Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. С. 305–306.
- 12 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 411.
- 13 Там же. С. 155.
- 14 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 2. М., 1962. С. 244.
- 15 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 139.
- 16 Там же. С. 157.
- 17 Там же. С. 148.
- 18 См.: Фолбр Н. Патриархатный способ производства // Гендер и глобализация. Теория и практика международного женского движения. М., 2003.
- 19 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 1. С. 149.
- 20 Там же. С. 154.
- 21 Там же. С. 197.
- 22 Там же. С. 151.
- 23 Там же. С. 283.
- 24 Там же. С. 417.
- 25 Там же. С. 418–419.
- 26 Там же. С. 421.
- 27 Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 623.
- 28 Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 157.
- 29 Там же. Т. 26. Ч. 2. С. 636.
- 30 Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 205–206.
- 31 Там же. С. 520.